

ПЫШКА -
АССИСТЕНТКА,
которую он потерял

ВИОЛЕТТА ВЕЙЛ

Виолетта Весна

**Пышка-ассистентка,
которую он потерял**

«Автор»

2026

Весна В.

Пышка-ассистентка, которую он потерял / В. Весна — «Автор», 2026

Мила Орлова пять лет была идеальной ассистенткой Демьяна Волкова. Она знала его расписание, спасала сделки, закрывала чужие ошибки и держала компанию в порядке. Для всех она была просто пышкой из приемной: удобной, спокойной, незаметной. Но однажды Мила нашла в документах подмену, из-за которой «Волков Групп» мог потерять миллиарды. Она принесла Демьяну доказательства, а он выбрал поверить не ей. На заседании совета ее отстранили при всех. Без защиты. Без права договорить. Мила сняла пропуск, положила его на стол и ушла. И только тогда Демьян понял: он потерял не сотрудницу, а женщину, которая держала его мир. Теперь ему придется не приказом вернуть ее, не подарками купить прощение, а доказать делом, что он видит в Миле не удобную помощницу, а женщину, которую однажды не сумел защитить.

Содержание

ПРОЛОГ. Кофе для человека, который не замечал ее	5
ГЛАВА 1. Девушка из приемной	12
ГЛАВА 2. Его день в ее руках	21
ГЛАВА 3. Подпись не на своем месте	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Виолетта Весна

Пышка-ассистентка, которую он потерял

ПРОЛОГ. Кофе для человека, который не замечал ее

В половине первого ночи бизнес-центр был похож на дорогую стеклянную коробку, из которой вынули почти всех живых людей и оставили только свет.

Мила Орлова сидела в переговорной на сорок втором этаже, босиком под столом, потому что туфли начали натирать еще после восьми вечера, и исправляла чужую ошибку в приложении к договору.

На экране ноутбука дрожали мелкие строки: суммы, даты, реквизиты, номера приложений. Большинство людей посмотрели бы на них и увидели сухую бухгалтерскую кашу, от которой хотелось зевнуть. Мила видела другое: где цифра легла не туда, где дата не совпала с протоколом, где формулировка выглядела слишком гладкой для документа, который правили в спешке.

Она потеряла переносицу, взяла с края стола холодный кофе и тут же поставила обратно. Кофе был Демьяна Волкова. Второй, без сахара, с двойным эспрессо и каплей сливок. Она принесла его час назад, когда думала, что он выйдет из кабинета, увидит правку и наконец скажет что-нибудь человеческое.

Например: “Мила, езжайте домой”.

Или: “Спасибо, вы нас сегодня спасли”.

Демьян сказал бы короче. Он всегда говорил короче, чем хотелось.

Хорошо.

Принято.

Передайте Грановскому.

Зайдите через пять минут.

Мила давно научилась не ждать от него тепла. У Демьяна Волкова тепло, кажется, не было предусмотрено конструкцией. Он был человеком с идеальной посадкой костюма, жестким расписанием и привычкой смотреть на мир так, будто любое чувство можно отложить в папку “потом” и вернуться к нему после совета директоров.

К чувствам он не возвращался.

К договорам — всегда.

На столе перед Милой лежала распечатанная версия соглашения по проекту “Северные кварталы”: крупная сделка, о которой в компании говорили шепотом уже месяц. Земля, подрядчики, банковские гарантии, партнеры, которые улыбались слишком широко. Демьян вел этот проект лично. Кирилл Грановский, финансовый директор, отвечал за цифры. Юристы проверяли формулировки. Отдел рисков подписал заключение еще днем.

И все равно ошибку нашла Мила.

Не потому, что была умнее всех. Она не любила такие красивые объяснения. Просто Мила за пять лет работы научилась помнить то, что остальные считали мелочами.

Какой подрядчик уже срывал сроки.

Какой банк менял условия за день до подписания.

Какая фамилия всплывала в старых делах, о которых теперь предпочитали не говорить вслух.

Она прокрутила файл к приложению номер семь и снова посмотрела на строку с подписью.

“ООО СеверСтрой Консалт”.

Директор: Малинин О. В.

Подпись стояла ровно. Слишком ровно. Будто ее перенесли из другого документа, аккуратно вырезали, вставили и подогнали по размеру. Такое нельзя было утверждать без экспертизы, конечно. Мила не была ни юристом, ни специалистом по подписям. Но за годы работы с договорами она научилась замечать чужую небрежность.

А еще фамилия Малинина царапнула память.

Не сильно. Так, как цепляет за рукав старая заноза.

Мила открыла внутренний архив, куда обычные ассистенты без нужды не заходили. Доступ у нее был рабочий, выданный официально: Демьян не любил ждать документы, а потому однажды распорядился, чтобы его старшая ассистентка могла быстро поднимать старые пакеты по сделкам. Тогда он не задумался, что доступ — это не только удобство.

Доступ иногда становился знанием.

В поисковой строке она набрала фамилию: Малинин.

Система подумала несколько секунд и выдала три результата.

Первый — текущий проект.

Второй — старый договор поставки, закрытый два года назад.

Третий заставил Милу убрать руку с мыши.

“Проект Заречный. Подрядная документация. Архив. 2014 год”.

Горло пересохло.

Мила знала это название. Не из корпоративной памяти. Из дома.

Ей было шестнадцать, когда отец впервые пришел домой не злой, не уставший, а пустой. Он долго сидел на кухне в куртке, хотя в квартире было тепло, и смотрел на свои руки. Мама тогда говорила по телефону в коридоре. Тихо, сдавленно. Слова “проверка”, “подпись”, “крайний” Мила слышала не полностью, но запомнила навсегда.

Через год отца уже не приглашали на прежние должности. Потом он устроился ниже, тише, дальше от больших денег. В их доме перестали покупать фрукты просто так, перестали планировать отпуск и начали говорить фразу “не сейчас” так часто, что она стала почти членом семьи.

Проект “Заречный” был тем самым делом.

Мила медленно нажала на файл.

Доступ открылся не сразу. На экране появилась строка запроса, потом список вложений. Часть документов была недоступна, часть — сканами. Мила быстро пролистала первые страницы, чувствуя, как усталость уходит из тела, оставляя вместо себя неприятную, холодную ясность.

Малинин О. В.

Та же фамилия.

Тот же инициал.

Тот же подпись похожий росчерк, только старше, грубее, будто оригинальный.

Она откинулась на спинку кресла.

В переговорной было тихо. За стеклянной стеной темнел город. Москва не спала, но на такой высоте ее шум становился почти декоративным: редкие огни машин, темные окна соседних башен, красные точки на крышах. Где-то далеко люди возвращались домой, ругались с таксистами, покупали в круглосуточных магазинах хлеб и молоко. У кого-то была обычная ночь.

У Милы — нет.

Она посмотрела на дверь кабинета Демьяна.

Там все еще горел свет.

Он тоже не уехал. Конечно, не уехал. Демьян Волков не уходил раньше сделки, если сделка могла сделать его сильнее. Он не бросал поле до того, как все фигуры вставали на нужные места.

Мила усмехнулась без радости.

Интересно, к какой фигуре он относил ее.

К пешке, которая сама приносит кофе?

К заметке в календаре?

К голосу за дверью, который всегда помнит, кто ждет на линии?

Она закрыла старый файл, но не до конца. Сохранила копии страниц в рабочую папку, пометила их нейтрально: “Сравнение приложений”. Не “подлог”. Не “схема”. Не “то, из-за чего мой отец десять лет прожил с опущенными плечами”.

Словами надо было пользоваться аккуратно. Особенно рядом с такими людьми, как Демьян Волков.

Дверь его кабинета открылась без звука.

Мила машинально выпрямилась, успела сунуть ноги обратно в туфли и подняться, прежде чем Демьян появился в проеме.

Он был без пиджака. Белая рубашка, темный жилет, галстук ослаблен на один узел. Для другого мужчины это выглядело бы как усталость. Для Демьяна — как небольшое нарушение протокола, которое он сам себе разрешил, потому что вокруг не осталось свидетелей важнее стеклянных стен.

Он остановился у двери переговорной и посмотрел на нее.

— Вы все еще здесь.

Не вопрос. Констатация.

— Завтра подписание, — сказала Мила. — В приложении к договору была ошибка по графику платежей. Если бы оставили старую версию, партнеры получили бы право требовать аванс раньше гарантийного письма.

Демьян подошел к столу и взял распечатку.

Он читал быстро. Не пробежал глазами, как многие руководители, а именно читал. В этом Мила его уважала. Демьян редко делал вид, что понимает документ. Он либо понимал, либо заставлял человека объяснять до тех пор, пока слабое место не трескалось само.

— Кто пропустил? — спросил он.

— Финансовый блок дал финальную таблицу в девятнадцать сорок. Юристы вставили ее без сверки с банковским приложением. Я подняла письмо от “Альга-Банка” и заменила страницу.

Он перевел взгляд на нее.

У Демьяна были серые глаза. Холодные — так говорили все в офисе. Мила не любила это слово. Глаза не бывают холодными сами по себе. Холодным бывает то, что человек разрешает себе показывать.

— Вы проверили весь пакет?

— Да.

Она не сказала: “Почти весь”. Не сказала: “Кроме того, что меня сейчас пугает”. Не сказала: “В одном из приложений подпись похожа на подделку, а фамилия подрядчика связана со старым делом моего отца”.

Не ночью. Не так. Не после двенадцати часов работы, когда у Демьяна на лице было то самое выражение: сделка, цифры, сроки, контроль.

Сейчас он услышал бы только нарушение порядка.

— Хорошо, — сказал он.

Вот и все.

Мила почему-то улыбнулась. Не ему — себе. Той глупой части себя, которая все еще ждала большего.

Демьян заметил.

— Что?

— Ничего.

— Мила.

Он редко называл ее по имени. Обычно — Орлова. Иногда — Мила Сергеевна, если рядом были партнеры и требовалась вежливость. Просто “Мила” звучало в его голосе непривычно. Слишком близко для пустой переговорной и слишком поздней ночи.

Она взяла его кофе и протянула ему.

— Остыл. Но другого сейчас нет.

Демьян посмотрел на стакан, потом на ее руку. Пальцы у Милы были чуть красные от холода: кондиционер в переговорной работал слишком сильно, а она забыла выключить его еще вечером.

Он взял кофе, не касаясь ее пальцев.

— Вы ужинали?

Вопрос был настолько неожиданным, что Мила не сразу ответила.

— Да.

Это было неправдой. В восемь она съела половину творожного батончика, который нашла в сумке. Но говорить об этом Демьяну Волкову было странно. Он мог распорядиться заказать еду, и от этого стало бы еще хуже. Забота по приказу всегда оставалась приказом, только в другой упаковке.

Он поставил стакан на стол, даже не попробовав.

— Езжайте домой.

Вот оно.

Сказал.

И все равно почему-то было не так.

Мила кивнула.

— Через десять минут. Сохраню финальную версию и отправлю вам.

— Утром отправите.

— Утром вы попросите ее в семь пятнадцать.

На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на усталую усмешку.

— В семь десять.

— Поэтому я отправлю сейчас.

Он не стал спорить. Демьян вообще редко спорил с тем, что было удобнее для дела.

Мила собрала распечатки в аккуратную стопку. Листы по странной подписи она незаметно отложила в папку под ноутбуком. Не потому, что хотела скрыть от него правду. А потому, что впервые за пять лет работы рядом с Демьяном Волковым поняла: правду мало найти. Надо еще выбрать момент, когда ее не раздавят вместе с тем, кто принес.

Демьян стоял у стола, высокий, собранный, почти чужой в этой ночной тишине.

— Вы сегодня хорошо сработали, — сказал он.

Мила подняла глаза.

Слова были правильные. Поздние, сдержанные, деловые — но правильные. Такие, которых она ждала, сама себе не признаваясь.

И все же от них почему-то стало больнее.

Потому что “сегодня” было неправдой.

Она хорошо работала вчера. И месяц назад. И в тот день, когда сорвался московский форум, а она за сорок минут перестроила расписание так, что Демьян вышел из скандала с новым партнером. И зимой, когда подрядчик угрожал судом, а она нашла в старом письме

фразу, спасающую компанию от штрафа. И тогда, когда у Демьяна умерла тетка, а он все равно поехал на переговоры, и только Мила догадалась отменить вторую половину дня, не спрашивая, потому что он сам не умел останавливаться.

Она хорошо работала всегда.

Просто он замечал это только в те ночи, когда без нее могла рухнуть сделка.

— Спасибо, — сказала Мила.

Демьян кивнул, будто между ними была поставлена точка.

Он развернулся к двери, но остановился.

— Орлова.

Вот теперь снова правильно. Фамилия. Дистанция. Стекло между ними, даже когда он стоял в двух шагах.

— Да?

— Завтра на подписании будете рядом.

У Милы едва заметно дернулся уголок губ.

— Конечно.

Он ушел.

Дверь кабинета закрылась, и переговорная снова стала слишком большой для одного человека.

Мила села, открыла ноутбук и отправила финальную версию договора Демьяну, юристам и Кириллу Грановскому. Потом создала отдельное письмо только себе, вложила туда страницы из старого архива и спорное приложение. В теме написала: “Проверить утром”.

Палец завис над кнопкой отправки.

За стеклом тихо мигнул красный огонь на соседней башне. Один раз. Второй.

Мила нажала “отправить”.

Письмо ушло.

Через несколько секунд в коридоре послышались шаги. Не Демьян. Его шаги она знала: ровные, уверенные, без лишней спешки. Эти были мягче. Осторожнее.

Мила подняла голову.

У входа в переговорную стоял Кирилл Грановский.

Без пиджака, с телефоном в руке и спокойной улыбкой человека, который не должен был находиться здесь в половине первого ночи, но почему-то находился.

— Мила Сергеевна, — сказал он негромко. — Все еще спасаете чужие сделки?

Она закрыла крышку ноутбука. Не резко. Спокойно.

— Проверяю финальный пакет.

— Похвально.

Кирилл вошел в переговорную, хотя она его не приглашала. Он всегда так делал: переступал границу мягко, будто ее не существовало. Остановился у стола, посмотрел на распечатки, на стакан с остывшим кофе, на ее туфли, которые она не успела снова снять.

Взгляд скользнул быстро. Но Мила заметила.

Мужчины вроде Кирилла замечали все, что потом можно использовать.

— Демьян Александрович ценит вашу преданность, — сказал он.

Слово прозвучало почти ласково.

Мила не любила, когда ее работу называли преданностью. Преданность пахла ошейником. Работа — договором.

— Я выполняю обязанности.

— Разумеется.

Он улыбнулся шире.

— Просто иногда самые исполнительные сотрудники начинают думать, что компания держится на них. Это опасное чувство. Особенно для ассистенток.

Мила сложила руки на столе, чтобы он не видел, как напряглись пальцы.

— Вы хотели что-то по договору?

— Нет. С договором все в порядке.

Слишком быстро.

Слишком уверенно.

— Тогда доброй ночи, Кирилл Павлович.

Он не двинулся.

— Доброй ночи, Мила Сергеевна. И маленький совет.

Она молчала.

— Не задерживайтесь в архивах дольше, чем нужно. Старые документы редко приносят пользу. Чаще они просто пачкают руки тем, кто их открывает.

В переговорной стало тише.

Мила смотрела на него и понимала: он знает.

Не все, возможно. Не про письмо. Не про ее отца. Не про то, как сильно фамилия Малинина ударила по памяти.

Но он знает, что она открывала архив.

Кирилл кивнул ей так вежливо, будто пожелал приятного вечера, и вышел.

Мила осталась сидеть за столом.

Потом медленно открыла ноутбук снова. Проверила отправленное письмо. Файлы были на месте. Копии ушли. Время отправки: 00:47.

Ноль сорок семь.

Она почему-то запомнила эти цифры.

Позже, когда ее будут обвинять в доступе к закрытым документам, когда Демьян Волков посмотрит на нее через длинный стол совета директоров так, будто между ними никогда не было пяти лет ночных кофе, сорванных ужинов, спасенных сделок и тихого знания друг друга, Мила вспомнит именно это время.

00:47.

Момент, когда она еще могла сделать вид, что ничего не заметила.

Момент, когда можно было закрыть файл, поехать домой, лечь спать и утром снова стать удобной Милой Орловой из приемной генерального директора.

Она посмотрела на темный экран, где отражалось ее лицо: усталое, бледное, с выбившейся прядью у щеки и красной полоской на запястье от тесного браслета часов.

Не красавица из журнала рядом с Демьяном Волковым.

Не женщина его круга.

Не та, на кого оборачиваются в дорогих ресторанах с уважительным интересом.

Пышка-ассистентка, как однажды шепнула за спиной новая девочка из PR, не зная, что Мила стоит за приоткрытой дверью.

Мила тогда не обернулась. Не потому, что не услышала. Потому что в тот день ей надо было срочно найти Демьяна перед встречей с инвесторами, а ее обида не стоила сорванной сделки.

Теперь она вдруг подумала: может, в этом и была главная ошибка.

Не в том, что она слышала.

А в том, что каждый раз выбирала сделку вместо себя.

Мила выключила ноутбук, собрала папку и поднялась.

В кабинете Демьяна еще горел свет.

Она могла пойти к нему прямо сейчас. Положить документы на стол. Сказать: “Здесь подмена. Здесь старая связь. Здесь имя, из-за которого много лет назад сломали жизнь моему отцу”.

Он выслушал бы?

Возможно.

Поверил бы?

Мила не знала.

И впервые за пять лет это незнание оказалось страшнее любой ошибки в договоре.

Она погасила свет в переговорной, вышла в коридор и остановилась у его двери. За матовым стеклом двигалась тень. Демьян говорил по телефону. Низко, ровно, без усталости.

Мила подняла руку, чтобы постучать.

И не постучала.

Не потому, что испугалась. Нет. Просто поняла: утром ей понадобятся не эмоции, а доказательства.

Она развернулась и пошла к лифтам.

За спиной остался кабинет человека, для которого она знала все: кофе, расписание, слабые места, чужие угрозы, нужные слова перед трудными встречами.

Все, кроме одного.

Умеет ли Демьян Волков верить женщине, если правда приходит к нему не с печатью совета директоров, а из рук пышки-ассистентки, которую он слишком долго не замечал.

ГЛАВА 1. Девушка из приемной

Утром я пришла в офис на сорок минут раньше обычного и все равно опоздала. Не по времени. По ощущению.

Бизнес-центр “Волков Групп” просыпался раньше людей: турникеты уже мигали зелеными огоньками, охрана здоровалась вполголоса, лифты поднимались почти бесшумно, а в кофейне на первом этаже девушка с усталым лицом ставила на стойку первые стаканы для тех, кто называл себя “ранними птицами”, хотя выглядел так, будто его вынули из постели силой.

Я забрала два кофе.

Один себе — латте без сиропа, потому что к восьми утра мне нужна была не роскошь, а возможность не уснуть лицом в ежедневник.

Второй Демьяну Волкову — двойной эспрессо с каплей сливок, без сахара, температура не выше шестидесяти градусов. Он никогда не просил так подробно. Он вообще редко что-то просил. Просто однажды, четыре года назад, отодвинул стакан и сказал:

— Горячий.

Я запомнила.

Потом запомнила, что слишком холодный он тоже не любит, хотя не говорит. Что пьет кофе до первой встречи, но почти никогда не допивает после звонка от отца. Что в дни совета директоров берет стакан в левую руку, а правой листает документы. Что если не поставить кофе справа от папки с красной меткой, он все равно найдет его, но задержится на секунду, и эта секунда потом где-нибудь обязательно отзовется.

Я знала слишком много о человеке, который вчера ночью спросил, ужинала ли я, и даже не понял, что я соврала.

На ресепшене охранник поднял глаза.

— Доброе утро, Мила Сергеевна.

— Доброе, Андрей. У нас сегодня гости с девяти тридцати. Проверьте, пожалуйста, пропуска на “Норд Инвест” и список по залу “Север”.

— Уже у меня.

— Отлично. И если приедет Ланская...

Я замолчала на полуслове.

Фамилия сама легла на язык, хотя в календаре Эвелины Ланской не было.

Андрей понял.

— Сообщу вам сразу.

— Спасибо.

Он улыбнулся так, будто сочувствовал. Это было хуже, чем если бы он ничего не понял.

В офисе пахло утренним кондиционером, свежей бумагой и чужой спешкой. Пока сотрудники подтягивались по одному, приемная генерального директора уже жила на полной скорости. На моем столе мигал телефон, в почте висело тридцать семь непрочитанных писем, в мессенджере юристы ругались с финансистами, а помощник из отдела партнерских проектов прислал мне файл с названием “финал_точно_последний_новый2”.

Я поставила кофе Демьяна на его стол, не заходя дальше трех шагов. Кабинет был пуст, но в нем все равно чувствовалось его присутствие: ровная линия папок, закрытый ноутбук, ручка строго параллельно краю стола, серый пиджак на спинке кресла. Демьян Волков умел отсутствовать так, будто все равно контролировал помещение.

Я положила рядом с кофе распечатку утреннего расписания.

8:15 — звонок с банком.

8:40 — внутренняя сверка по “Северным кварталам”.

9:30 — “Норд Инвест”.

10:20 — подпись приложений.

11:00 — совет по рискам.

12:30 — обед с представителями фонда.

13:15 — встреча с Кириллом Грановским.

13:45 — окно пятнадцать минут.

Я подчеркнула окно карандашом. Не потому, что оно действительно существовало. Просто иногда я оставляла в расписании маленькую ложь, чтобы у Демьяна был шанс перевести дыхание. Он обычно заполнял ее звонком, который сам же называл срочным.

На моем столе завибрировал телефон.

“Мила, где финальная версия по приложению семь?” — юристы.

Я открыла ноутбук, вошла в систему и проверила отправленные письма. Ночное письмо ушло всем адресатам. Финальная версия договора была в цепочке.

Второе письмо — то, которое я отправила себе в 00:47, — тоже лежало на месте.

Я открыла его на секунду.

Сканы старого архива. Подпись. Малинин О. В. “Проект Заречный”.

Закрывает.

Не сейчас.

Сначала утро. Сначала люди, которые думают, что сделка держится на решениях генерального директора, а не на том, что кто-то вовремя заметил неправильную страницу в приложении.

В приемную вошла Света из PR. Молодая, тонкая, всегда пахла сладкими духами и тревогой. На ней было бежевое платье, которое выглядело так, будто его гладили не утюгом, а молитвой.

— Мила Сергеевна, доброе утро. А Демьян Александрович уже приехал?

— Через семь минут будет в лифте.

— Вы прям знаете?

— Я прям вижу его машину на камерах парковки.

Света смутилась и поправила волосы.

— Ой. Точно. У нас же доступ...

Не “у нас”. У меня.

Но я промолчала.

— Что случилось?

— Там фонд просит перенести обед на двенадцать. У них спикер улетает раньше.

— Нет.

— Нет?

— У Демьяна Александровича в двенадцать десять звонок с банком, который нельзя переносить. Предложите им двенадцать сорок пять или ужин в среду.

— Они могут обидеться.

— Они уже обижались в марте и все равно подписали соглашение.

Света моргнула.

— Вы это помните?

Я посмотрела на нее поверх экрана.

— Я много чего помню.

Она покраснела еще сильнее и ушла, прижимая планшет к груди.

Я не злилась на Свету. Она была просто новой. Новые сотрудники первое время думали, что я сижу в приемной для красоты: улыбаюсь посетителям, соединяю звонки, ношу кофе, говорю “Демьян Александрович сейчас занят” таким голосом, будто это отдельный вид искусства.

Они не видели, как я трижды за утро меняла порядок встреч, чтобы партнеры, ненавидящие друг друга, не столкнулись у лифта.

Не знали, что я держала в голове дни рождения жен крупных клиентов, аллергию председателя совета на орехи и то, что отец Демьяна всегда звонил без предупреждения перед важными подписаниями, будто чувствовал, когда сыну особенно нельзя мешать.

Не понимали, что приемная — это не диван, стол и ваза с белыми цветами.

Приемная — это шлюз между хаосом и человеком, который считает, что хаоса не существует, если достаточно жестко на него посмотреть.

Лифт тихо звякнул.

Я не подняла головы сразу. Сначала отправила юристам короткий ответ: “Финальная версия в письме от 00:31. Приложение семь заменено. Проверьте файл с пометкой FINAL_MO.”

Потом встала.

Демьян Волков вышел из лифта вместе с Кириллом Грановским.

Демьян шел первым. Высокий, в темно-синем костюме, свежий так, будто не он вчера стоял в переговорной после полуночи, а его дорогая, лучше выспавшаяся версия. На лице — ни тени усталости. Только привычная собранность, от которой сотрудники автоматически выпрямляли спины.

Кирилл шел на полшага сбоку. Светло-серый костюм, тонкая папка под рукой, мягкая улыбка. Он выглядел человеком, который никогда не пачкает рук, потому что умеет отдавать распоряжения тем, кто делает это за него.

Я почувствовала, как внутри коротко дернулось вчерашнее: “Не задерживайтесь в архивах дольше, чем нужно”.

— Доброе утро, Демьян Александрович, — сказала я. — Банк подтвердил звонок на восемь пятнадцать. “Норд Инвест” приедут на двадцать минут раньше. По фонду просят перенос, я предложила им двенадцать сорок пять. В приложении семь финальная версия ушла ночью, юристы проверяют.

Демьян остановился у моего стола.

— Грановский говорит, по приложению все было в порядке.

Я перевела взгляд на Кирилла.

Он улыбался.

Разумеется, улыбался.

— В старой версии был риск по авансу, — сказала я ровно. — Я сверила с банковским письмом.

— Мила Сергеевна проявила внимательность, — мягко сказал Кирилл. — Хотя, на мой взгляд, финансовый блок держал ситуацию под контролем.

“На мой взгляд” у Кирилла всегда означало “вы перешли границу”.

Демьян взял кофе со стола.

— Документы у меня?

— Да. Красная папка — подпись. Серая — внутренние комментарии. Черная — старые приложения по подрядчикам, которые вы просили поднять еще вчера.

Я сама не знала, зачем добавила последнюю фразу. Наверное, хотела посмотреть на Кирилла.

Он не дрогнул.

Только пальцы на папке легли чуть плотнее.

Демьян это заметил? Не знаю. Иногда мне казалось, что он замечает все. Иногда — что не видит самого главного, даже если оно стоит в двух шагах от него в темно-зеленом платье и туфлях, которые к вечеру снова сотрут пятку.

— Через пять минут ко мне, — сказал он.

— Да.

Он вошел в кабинет. Кирилл задержался у моего стола.

— Вы рано сегодня, — сказал он.

Я села.

— Как и вы.

— У меня должность такая.

— У меня тоже.

Он усмехнулся почти ласково.

— Ассистент — должность непростая. Главное, не забывать вторую часть.

Я подняла глаза.

— Какую?

— Что это все-таки ассистент.

Сказал тихо. Вежливо. Без свидетелей, если не считать камеры в углу и белых цветов в вазе.

Раньше я бы промолчала. Улыбнулась бы, опустила глаза, сделала вид, что занята письмом. Не из слабости. Просто на работе всегда было что-то важнее личного раздражения.

Сегодня я почему-то не смогла.

— Кирилл Павлович, если вам нужны мои должностные обязанности, я пришлю их отдельным файлом. С выделением цветом, если так удобнее.

На секунду улыбка стала тоньше.

Потом он тихо рассмеялся.

— Осторожнее, Мила Сергеевна. Демьян Александрович ценит в людях сдержанность.

— Тогда нам обоим повезло. Я очень сдержанная.

Он посмотрел на меня так, будто впервые за утро действительно увидел.

Не оценил. Не испугался. Просто отметил что-то для себя.

— Хорошего дня, — сказал он.

— Вам тоже.

Кирилл ушел по коридору к финансовому блоку, а я позволила себе выдохнуть только тогда, когда стеклянная дверь за ним закрылась.

Пальцы были холодными.

Я посмотрела на экран ноутбука. Там мигало новое сообщение от Демьяна:

“Орлова. Сейчас.”

Я взяла планшет, папку, ручку и вошла в его кабинет.

У Демьяна Волкова был кабинет без лишних вещей. Стол, переговорная зона, шкаф с документами, панорамное окно во всю стену. Никаких семейных фотографий, случайных сувениров, смешных кружек, растений в горшках. В этом кабинете нельзя было понять, чем живет человек, когда перестает быть генеральным директором.

Возможно, он и сам не знал.

— Закройте дверь, — сказал Демьян.

Я закрыла.

Он стоял у окна, пил кофе и смотрел на город. На столе лежала распечатка приложения семь. Та самая, которую я ночью поправила.

— Грановский считает, вы вмешались в финансовую часть без необходимости.

Конечно.

Я поставила папку на стол.

— Грановский может так считать. Но если бы мы оставили старую версию, аванс ушел бы раньше банковской гарантии. В случае срыва сроков компания оказалась бы в слабой позиции.

— Я это вижу.

— Тогда в чем проблема?

Демьян обернулся.

Он не любил, когда я задавала вопросы так прямо. Не потому, что считал меня ниже. Нет. Он просто привык, что мои вопросы всегда рабочие, удобные, помогающие ему быстрее принять решение. А этот вопрос был другой. В нем было что-то мое.

— Проблема в доступе, — сказал он. — Вы подняли материалы, которые должны были пройти через финансовый блок.

— У меня есть доступ к архиву сделок по вашему распоряжению.

— Для ускорения работы.

— Я и ускорила.

— Орлова.

Одно слово. Фамилия. Предупреждение.

Я сцепила пальцы на планшете.

— Демьян Александрович, если вас беспокоит процедура, я зафиксирую все действия письмом. Но по существу правка была необходима.

Он подошел к столу и открыл серую папку.

— По существу — да. По процедуре — нет.

Я смотрела на его руки. Сильные, спокойные, без лишних движений. Эти руки подписывали сделки, увольняли людей, пожимали ладони партнерам, держали стакан с кофе, который я приносила каждое утро.

Вчера ночью он спросил, ужинала ли я.

Сегодня утром говорил со мной так, будто я была строкой в регламенте.

— Поняла, — сказала я.

— Не думаю.

Я подняла взгляд.

Демьян смотрел прямо.

— Мила, я ценю вашу внимательность. Но вы не должны брать на себя больше, чем требуется.

Смешно.

Не вслух, конечно. Вслух я не смеялась.

Но внутри стало смешно так резко, почти больно.

Я не должна брать на себя больше, чем требуется.

А кто три года брал на себя звонки его отца, когда тот требовал соединить немедленно, а у Демьяна в кабинете сидел человек, от которого зависел кредит на девять миллиардов?

Кто писал ему короткие справки по людям, с которыми он встречался, чтобы он не путал имена детей партнеров и причины их прошлых конфликтов?

Кто отменял интервью, переносил рейсы, находил потерянные документы, прикрывал чужие ошибки, успокаивал сотрудников, которые выходили из его кабинета белыми от страха?

Кто вчера ночью сидел босиком в переговорной, пока финансовый блок “держал ситуацию под контролем”?

— Хорошо, — сказала я. — Я больше не буду брать на себя лишнее.

Демьян прищурился.

Он услышал.

Не все. Но тон услышал.

— Это не упрек.

— Конечно.

— Орлова.

— Демьян Александрович, через две минуты звонок с банком. На линии будет Климов, он начнет с вопроса по гарантийному письму. Лучше сразу сказать, что мы приняли их редакцию по пункту четыре, но не согласны с изменением срока уведомления. Если вы позволите им открыть разговор первыми, они уведут вас в обсуждение аванса.

Он молчал секунду.

Потом взял папку.

— Соединяйте.

Вот и весь разговор.

Я вышла из кабинета с прямой спиной и спокойным лицом.

В приемной уже стояла Эвелина Ланская.

Она появилась так, как появляются женщины, уверенные, что двери существуют скорее для красоты, чем для них. Высокая, тонкая, в белом костюме, с гладкими светлыми волосами и серьгами, которые могли стоять как моя кухня. На ней не было ничего лишнего. Даже улыбка казалась подобранной стилистом.

Света из PR стояла рядом с ней и выглядела так, будто перед ней внезапно открыли экзамен без подготовки.

— Мила Сергеевна, — выдохнула Света. — Эвелина Андреевна к Демьяну Александровичу.

Я посмотрела в календарь.

Эвелины там не было.

— Доброе утро, Эвелина Андреевна.

— Мила, — сказала она тепло, будто мы были давними приятельницами. — Вы все такая же точная. Даже удивительно.

Я не стала спрашивать, что именно удивительно: моя точность или то, что такая женщина, как я, вообще способна быть точной.

— У Демьяна Александровича звонок. Я уточню, сможет ли он вас принять.

— Не стоит. Он меня примет.

Эвелина улыбнулась и положила перчатки на край моего стола.

Не на гостевой столик.

На мой.

Мелочь. Конечно, мелочь. Но люди ее круга умели унижать так, чтобы это выглядело случайностью.

Я взяла перчатки двумя пальцами и аккуратно переложила на столик для посетителей.

— Здесь рабочая зона.

Света резко опустила глаза в планшет.

Эвелина посмотрела на меня чуть внимательнее.

— Простите. Я забыла, как у вас тут все строго.

— У нас сегодня подписание.

— Ах да. Та самая важная сделка.

Она прошла к дивану, села и оглядела приемную. Белые цветы, серые стены, мой стол, папки, экран с расписанием. Потом ее взгляд остановился на мне. Скользнул по лицу, по плечам, по платью, по бедрам, которые я с утра честно пыталась не одергивать под тканью.

Я знала этот взгляд.

Женщины вроде Эвелины не смотрели грубо. Они не позволяли себе открытой насмешки. Они просто за секунду сообщали тебе, что в их мире для тебя нет подходящего размера — ни платья, ни кресла, ни надежды.

— Вам идет этот цвет, — сказала она.

На мне было темно-зеленое платье. Закрытое, офисное, мягко сидящее по фигуре. Я выбирала его утром три минуты и почти передумала, потому что оно не прятало меня так хорошо, как черное.

— Спасибо.

— Очень... уютно.

Света перестала дышать.

Я улыбнулась.

— Уют — редкое качество для бизнес-центра. Будем считать, это комплимент.

Эвелина тихо рассмеялась.

— Вы всегда так мило отвечаете. Демьяну повезло с помощницей.

Помощницей.

Не старшей ассистенткой генерального директора.

Не человеком, который держит его день в руках.

Помощницей.

— Демьян Александрович ценит профессионализм, — сказала я.

— Конечно. Он всегда ценил полезных людей.

Слово “полезных” легло между нами аккуратно, как тонкий нож на белую салфетку.

Я не успела ответить.

Дверь кабинета открылась.

Демьян вышел с телефоном в руке. Разговор, видимо, закончился раньше. Он остановился, увидев Эвелину.

Лицо не изменилось. Но я слишком хорошо знала его паузы.

Эта была не рабочая.

— Эвелина.

— Демьян.

Она поднялась с дивана красиво. Не резко, не поспешно. Так встают женщины, которые знают: на них смотрят.

И он смотрел.

Недолго. Но смотрел.

Я отвернулась к экрану, хотя там не было ничего нового.

— Я была рядом и решила заехать, — сказала Эвелина. — Надеюсь, не нарушила твой безупречный порядок.

— У меня десять минут.

— Мне хватит.

Конечно, хватит.

Людам вроде Эвелины часто хватало десяти минут, чтобы занять чужое место в комнате.

Демьян повернулся ко мне.

— Орлова, перенесите сверку с рисками на десять минут.

— У рисков в десять совет.

— Тогда на пятнадцать.

— Хорошо.

Я сделала пометку в расписании.

Он снова посмотрел на Эвелину.

— Проходи.

Она направилась к кабинету, но у двери задержалась и обернулась ко мне.

— Мила, если не трудно, кофе. Такой, как Демьян любит. Вы ведь лучше всех знаете его маленькие привычки.

Света едва заметно поморщилась.

Демьян ничего не сказал.

Вот это и ударило.

Не просьба Эвелины. Не ее улыбка. Не слово “маленькие”, сказанное так, будто мои знания были чем-то домашним, почти смешным.

А его молчание.

Он мог сказать: “Эвелина, Мила не официант”.

Мог сказать: “Не нужно”.

Мог хотя бы посмотреть так, чтобы она поняла границу.

Но Демьян Волков умел защищать сделки, сроки, репутацию компании, позиции на переговорах.

Людей он защищал только тогда, когда понимал, что на них напали.

А тонкие уколы не оставляли синяков, которые можно показать в отчете.

— Конечно, — сказала я.

Голос вышел ровным.

Я сделала кофе.

Руки не дрожали. Я вообще много лет гордилась тем, что мои руки не дрожат на работе. Можно разбиться внутри на мелкие, острые куски, а папку все равно подать ровно, письмо отправить без ошибки, кофе поставить так, чтобы не пролить ни капли.

Когда я вошла в кабинет, Эвелина сидела в кресле напротив Демьяна. Не у стола для посетителей. У его рабочего стола. Спина к двери, расслабленно, будто это было ее место.

Демьян стоял у окна.

— Кофе, — сказала я.

Эвелина приняла стакан.

— Спасибо, Мила. Вы чудо.

Я улыбнулась.

— Если понадобится что-то по делу, я буду в приемной.

Демьян повернул голову.

Наши взгляды встретились.

На секунду мне показалось, что он что-то понял. Не все. Может, только почувствовал неправильный воздух в комнате. Его пальцы едва заметно сжались на телефоне.

— Орлова, — сказал он.

Я остановилась у двери.

— Да?

Он посмотрел на Эвелину, потом на меня.

— После встречи с “Норд Инвест” зайдите ко мне с пакетом по подрядчикам.

Вот и все.

Работа.

Всегда работа.

— Хорошо, Демьян Александрович.

Я вышла и закрыла дверь.

В приемной Света стояла у моего стола с таким лицом, будто ей хотелось извиниться за чужие слова.

— Мила Сергеевна...

— Света, отправьте фонду два варианта: двенадцать сорок пять сегодня или ужин в среду. Без слова “к сожалению”. Мы не виноваты, что их спикер меняет планы.

— Да. Конечно.

Она ушла почти бегом.

Я села за стол.

На экране мигало новое письмо от юридического отдела. Тема: “Срочно: приложение семь, подтверждение правки”.

Я открыла его, ответила, приложила скрин банковского письма, отметила Демьяна в копии.

Потом посмотрела на закрытую дверь его кабинета.

За ней сидела Эвелина Ланская. Женщина, которая подходила ему по росту, фамилии, тонкости запястий и умению не выглядеть уставшей даже в девять утра. Женщина из правиль-

ного мира, где никто не спрашивает, не тесно ли тебе в кресле, не надо ли похудеть к лету, не слишком ли ты заметная для приемной и не слишком ли незаметная для любви.

Я перевела взгляд на свое отражение в черном экране планшета.

Круглое лицо. Темные волосы, собранные низко. Губы без яркой помады, потому что яркая на мне всегда казалась кому-то “слишком смелой”. Платье, которое я выбрала и теперь почти ненавидела за то, что оно не сделало меня другой.

Пышка из приемной.

Удобная.

Полезная.

Милая.

Я закрыла планшет, вдохнула и открыла рабочий чат.

“Норд Инвест” приехали на восемнадцать минут раньше, чем обещали.

Разумеется.

Я встала, поправила платье и пошла встречать людей, от которых зависела сделка на миллиарды.

Потому что обижаться можно было потом.

Плакать — дома.

А сейчас нужно было сделать так, чтобы у Демьяна Волкова все снова прошло идеально.

Даже если он этого не заметит.

ГЛАВА 2. Его день в ее руках

В семь двадцать утра я уже знала, что день сорвется.

Не потому, что у меня было предчувствие. Предчувствия — роскошь для людей, которым не надо держать в голове чужие перелеты, подписи, обиды партнеров, переносы встреч, состав совета директоров и то, что генеральный директор “Волков Групп” не ест перед тяжелыми переговорами, а потом становится резким настолько, что секретари на соседних этажах начинают говорить шепотом.

День сорвется, потому что в расписании Демьяна Волкова стояли три вещи, которые нельзя было ставить в один день.

Банк.

Подрядчики.

И его отец.

Последнего в календаре не было, конечно. Виктор Аркадьевич Волков никогда не просил вписать себя в расписание сына. Он просто звонил в самый неудобный момент, говорил: “Соедини”, и весь офис на несколько секунд замирал, потому что даже через приемную было понятно: сейчас у Демьяна испортится лицо.

Я сидела за своим столом, проверяла утренние подтверждения и смотрела на экран так внимательно, будто могла взглядом заставить людей стать разумнее.

Не могла.

В восемь ноль три “Альта-Банк” прислал новую редакцию гарантийного письма.

В восемь семь подрядчик по “Северным кварталам” запросил перенос подписания акта.

В восемь двенадцать водитель Демьяна написал, что машина въехала на парковку.

В восемь тринадцать мне позвонил человек, которого я не хотела слышать до конца этой недели.

— Мила Сергеевна, доброе утро, — сказал Кирилл Грановский мягким голосом.

От его “доброе утро” хотелось закрыть ноутбук и уехать жить в глухую деревню без финансовых директоров, архивов и мужчин, которые улыбаются так, будто заранее знают, где ты ошибешься.

— Доброе утро, Кирилл Павлович.

— Демьян Александрович уже приехал?

— Поднимается.

— Прекрасно. Передайте ему, пожалуйста, что я хотел бы обсудить банковскую редакцию до встречи с подрядчиками.

Я посмотрела на календарь.

— У вас с ним встреча в десять сорок.

— Боюсь, вопрос срочный.

“Боюсь” у Кирилла всегда звучало так, будто бояться должен кто-то другой.

— Отправьте мне материалы. Я внесу в повестку.

Пауза.

Не длинная. Но я ее услышала.

— Материалы финансового блока не всегда предназначены для ассистентов, — сказал он.

Я открыла утреннее письмо банка и пробежала глазами новую редакцию. Изменения были не просто техническими. Срок уведомления сдвинули так, что “Волков Групп” могла потерять возможность вовремя заблокировать аванс при нарушении условий подрядчиком.

— Тогда отправьте Демьяну Александровичу напрямую, — сказала я. — Но без материалов я не смогу корректно перестроить его утро.

— Может быть, не стоит его перестраивать?

Я подняла глаза на закрытую дверь лифтового холла.

— Его утро уже перестроил банк.

Кирилл тихо рассмеялся.

— Вы очень стараетесь держать все в руках.

— Это моя работа.

— Иногда работа заканчивается там, где начинаются чужие полномочия.

— Тогда хорошо, что я умею читать границы.

— Умеете?

Двери лифта открылись.

Демьян Волков вышел в приемную с телефоном в руке и без выражения на лице. Темный костюм, белая рубашка, серый галстук. Ни одной лишней детали. Рядом с ним шел Роман, младший брат, с бумажным стаканом кофе и видом человека, который зашел в офис не работать, а посмотреть, кто сегодня первый взорвется.

— Кирилл Павлович, — сказала я в трубку, не отрывая взгляда от Демьяна. — Демьян Александрович приехал. Если вопрос срочный, присылайте письмо с пометкой “банк”. Я включу его в первую папку.

— Мила Сергеевна...

— Хорошего дня.

Я отключила звонок.

Роман присвистнул.

— Так с утра? Сурово.

— Доброе утро, Роман Александрович.

— После такого — точно доброе.

Демьян остановился у моего стола.

— Кто звонил?

— Кирилл Павлович. Хочет обсудить новую редакцию гарантийного письма до подрядчиков.

— Новую?

Я развернула к нему планшет.

— Банк прислал в восемь ноль три. Изменили срок уведомления по пункту четыре. Если принять эту редакцию, мы не успеем заблокировать аванс при срыве графика. Я уже подняла вчерашнюю версию и сделала сравнение.

Он взял планшет.

Я видела, как его взгляд стал тяжелее. Не злым — рабочим. Таким, каким он смотрел на людей, которые пытались провести его через красивую формулировку к плохим последствиям.

— Кто видел?

— Я. Юристы пока нет, они будут в офисе через двадцать минут. Финансовый блок, очевидно, видел раньше нас.

— Почему очевидно?

— Кирилл Павлович позвонил через девять минут после письма банка. Значит, ждал редакцию или получил копию.

Роман поднял брови.

— Веселее и веселее.

Демьян посмотрел на него.

— У тебя встреча с фондом в девять.

— Я пришел морально поддержать.

— Поддержи из переговорной.

— Как скажешь, брат.

Роман ушел, но перед этим успел подмигнуть мне. Не по-мальчишески, не флиртом. Скорее так, будто говорил: “Держись, сейчас начнется”.

Я и сама знала.

— Папка у меня? — спросил Демьян.

— На столе. Красная — банк, синяя — подрядчики, черная — риски по старым договорам. Кофе справа.

Он уже шел к кабинету, но на слове “черная” остановился.

— Старые договоры?

Я почувствовала, как между лопатками стало холодно.

— Вы просили поднять архивные приложения по подрядчикам после вчерашней сверки.

— Я просил?

— Вчера в девятнадцать сорок. После звонка с “Норд Инвест”. Вы сказали: “Орлова, поднимите старые подрядные приложения по похожим схемам аванса”.

Он смотрел на меня несколько секунд.

Потом коротко кивнул.

— Верно.

Для другого человека забыть фразу за вечер было бы нормально. Для Демьяна — почти тревожный сигнал. Он не забывал то, что касалось сделок. Если забыл, значит, устал сильнее, чем показывал.

— И еще, — сказала я тише, чтобы не слышал проходящий мимо сотрудник. — В десять сорок я оставила вам семь минут до Кирилла. Без звонков.

— Зачем?

— Чтобы вы прочитали письмо банка сами, а не в пересказе финансового блока.

Его взгляд задержался на мне.

— Вы считаете, мне перескажут не так?

Я могла ответить осторожно.

Могла сказать: “Лучше проверить”.

Могла сделать вид, что это просто стандартная предусмотрительность.

Но вчерашняя подпись, архив, Калинин и голос Кирилла в пустой переговорной все еще стояли у меня за спиной.

— Считаю, что сегодня лучше никому не отдавать вам первую версию правды, — сказала я.

Демьян не сразу ответил.

Он редко позволял себе паузы в приемной. Пауза — это щель. Через нее люди видят, что руководитель думает, сомневается, выбирает.

— Через пять минут ко мне, — сказал он.

— Да.

Он вошел в кабинет.

Я выдохнула только тогда, когда дверь закрылась.

Утро действительно началось.

К девяти пятнадцати я уже успела перенести встречу с подрядчиками на малую переговорную, потому что в большой внезапно сломался экран; заставить ИТ подняться на сорок второй этаж не “в течение дня”, а через шесть минут; отправить юристам сравнение банковских редакций; поймать в коридоре заместителя службы безопасности и попросить проверить, кто ночью заходил в архив старых договоров.

Последнее я сделала слишком спокойно для человека, у которого внутри все сжалось.

— Ночью? — переспросил заместитель, Павел, мужчина с квадратным лицом и вечной усталостью в глазах.

— Да. С двадцати трех до часа.

— По какому проекту?

— “Северные кварталы”. И старый архив “Заречный”.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— Вам это для Демьяна Александровича?

Я могла солгать.

— Пока для меня.

Павел помолчал.

— Мила Сергеевна, вы же понимаете...

— Понимаю. Официальный запрос сделаю, если понадобится. Сейчас мне достаточно знать, были ли входы кроме моего.

— Я посмотрю, что можно увидеть без запроса.

— Спасибо.

Он ушел.

Я вернулась к столу, и почти сразу из кабинета раздался голос Демьяна:

— Орлова.

Не по телефону. Вживую.

Я взяла папку и вошла.

Он стоял у стола, уже с планшетом в руке. На экране было письмо банка.

— Юристы подтвердили ваш вывод, — сказал он. — Пункт четыре не принимаем.

— Хорошо.

— Подрядчиков ставим после банка.

— Я уже переставила.

— Грановского — сразу после подрядчиков.

— У него было десять сорок. Я сдвинула на десять двадцать пять, потому что иначе он успеет поговорить с банком отдельно.

Демьян поднял глаза.

Вот теперь в его взгляде было что-то почти живое.

— Вы и это предусмотрели?

Я пожала плечом.

— Он звонил слишком рано.

— Люди иногда звонят рано, потому что работают.

— Да. А иногда потому, что хотят попасть в разговор до того, как в нем появятся свидетели.

Он медленно положил планшет на стол.

— Вы что-то знаете?

Вопрос прозвучал мягче, чем я ожидала. Не “почему вы лезете”. Не “на каком основании”. Просто: знаете?

У меня внутри дернулось. Я вспомнила архивный файл. Подпись Малинина. Старое дело отца. Ноль сорок семь на отправленном письме.

Сказать сейчас?

Нет.

У меня были куски, не доказательства. Связи, не цепочка. А Демьян не любил куски. Он мог поверить фактам. В ощущения — нет. В мои ощущения — тем более.

— Я вижу несостыковки, — сказала я. — Пока только это.

— Какие?

— По подрядчику. По дате правки. По старому приложению. Мне нужно еще время, чтобы проверить.

Он подошел ближе к столу.

— Орлова, если речь о сделке, вы должны говорить сразу.

— Если я скажу сейчас, вы отдадите проверку Кириллу Павловичу.

— Это его зона ответственности.

— Вот именно.

Тишина стала плотной.

Я поняла, что сказала слишком много.

Демьян тоже понял.

Его лицо закрылось. Не резко, нет. Просто та небольшая человеческая щель, которая была секунду назад, исчезла.

— Осторожнее, — сказал он.

От этого слова у меня неприятно похолодели пальцы.

Вчера Кирилл говорил почти то же самое.

Осторожнее.

Только у Кирилла это звучало как угроза. У Демьяна — как приказ не выходить за линию.

Но линия почему-то всегда проходила по мне.

— Я осторожна, — сказала я.

— Нет. Сейчас вы делаете выводы о финансовом директоре компании на основании неполной информации.

— Я пытаюсь не дать неполной информации стать финальной.

Он долго смотрел на меня.

Если бы в кабинет вошел кто-то посторонний, он увидел бы обычную рабочую сцену: генеральный директор у стола, ассистентка с папкой, документы, утро, сделка.

Никто бы не понял, что у меня в груди стучит так сильно, будто я не документы обсуждаю, а прошу мужчину напротив выбрать — поверить мне или привычному порядку вещей.

Но Демьян пока не выбирал.

Он просто отложил разговор.

— После встречи с банком принесете мне все, что нашли, — сказал он. — Все, Орлова. Не часть. Не ваши выводы. Документы.

— Хорошо.

— И до этого не трогаете архив без моего разрешения.

Вот оно.

Я кивнула.

— Поняла.

На языке стояло: “А если к тому времени архив почистят?”

Но я промолчала.

Потому что в этот момент зазвонил его внутренний телефон.

Я посмотрела на экран.

Виктор Аркадьевич.

Отец.

Ну конечно.

Демьян тоже увидел имя. Его лицо стало таким, каким становилось только при звонках отца: не злым, не раздраженным, а каменным.

— Соединять? — спросила я.

Он не ответил сразу.

В такие секунды я обычно решала за него. Не потому, что имела право. Потому что за годы научилась понимать, какие звонки надо принять, а какие переждать.

Этот надо было переждать.

— Скажите, что вы на переговорах с банком, — сказала я тихо. — И что перезвоните после одиннадцати.

Демьян поднял глаза.

— Он будет недоволен.

— Он всегда недоволен.

Я поняла, что сказала это вслух, только когда его бровь чуть поднялась.

Слишком поздно.

Но вместо замечания Демьян вдруг почти улыбнулся. Не улыбкой — намеком, который исчез быстрее, чем я успела испугаться.

— Соедините с приемной и скажите сами.

Я вышла, приняла звонок и включила самый ровный голос.

— Виктор Аркадьевич, доброе утро. Демьян Александрович сейчас на подготовке к переговорам с банком. Он перезвонит вам после одиннадцати.

— Девушка, — сказал он холодно, хотя знал мое имя уже пять лет. — Мне не нужно расписание моего сына. Мне нужен мой сын.

Я посмотрела на закрытую дверь кабинета.

— Понимаю. Я передам, что вопрос срочный.

— Все вопросы срочные, когда звоню я.

Я могла бы сказать: “Конечно”. Все так и делали.

Но сегодня во мне что-то уже было надорвано утренними звонками, Эвелиной, Кириллом, архивом и тем, что Демьян запретил мне трогать документы, которые могли доказать правду.

— Тогда я передам, что вопрос особенно срочный, — сказала я.

Пауза.

— Вы давно у него работаете?

— Пять лет.

— И до сих пор не научились просто соединять?

— Научилась понимать, когда соединение навредит делу.

В трубке стало тихо.

Мое сердце, кажется, пропустило удар.

Я только что сказала это Виктору Аркадьевичу Волкову. Человеку, которого половина совета директоров боялась даже после того, как он формально отошел от управления.

— Как вас зовут? — спросил он.

Конечно.

Пять лет.

— Мила Орлова.

— Передайте Демьяну, что я жду звонка.

— Передам.

Он отключился.

Я медленно положила трубку.

Дверь кабинета была приоткрыта.

Демьян стоял в проеме.

Он слышал.

Не знаю, с какого момента. Но слышал.

— Вы сейчас отказали моему отцу? — спросил он.

Я выпрямилась.

— Я перенесла его звонок.

— Ему редко отказывают.

— Возможно, именно поэтому он так плохо переносит расписание.

Секунду я думала, что он рассердится.

Он не рассердился.

Он смотрел на меня так, будто видел что-то новое. Или старое, но вдруг оказавшееся не на своем месте.

— Банк на линии через две минуты, — сказала я, потому что не знала, куда деть этот взгляд.

— Орлова.

— Да?

— После переговоров зайдите.

— По документам?

Он помолчал.

— И по документам тоже.

Я кивнула.

Он вернулся в кабинет.

А я осталась в приемной и поняла, что мой день только что стал еще хуже.

Потому что когда Демьян Волков начинал видеть человека, он все равно видел его как руководителя.

Сначала оценивал пользу.

Потом риск.

И только потом, если вообще доходило, боль.

К десяти тридцати я уже успела соединить банк, удержать юристов в одной позиции, отправить подрядчикам обновленную повестку и не дать Свете из PR случайно пустить в пресс-релиз фразу “гибкая структура аванса”, от которой у любого нормального юриста начался бы нервный тик.

Демьян провел звонок с банком жестко и чисто. Не повысил голос ни разу, но к концу разговора банк вернул прежнюю редакцию пункта четыре и согласился отправить подтверждение до полудня.

Я стояла у стены с планшетом и отмечала каждое изменение.

Иногда мне нравилось смотреть, как он работает.

Это было опасное признание даже внутри себя.

Демьян умел держать переговоры так, как другие держат оружие: без суеты, без лишних движений, точно зная, когда нажать. Он слышал слабые места в чужих формулировках. Запоминал цифры с первого раза. Никогда не просил “объяснить попроще”, потому что понимал сложное лучше тех, кто пытался его запутать.

И еще он почти никогда не благодарил людей, которые заранее раскладывали перед ним поле так, чтобы ему было где выиграть.

— Орлова, письмо банка сразу мне, юристам и Грановскому, — сказал он, отключив связь.

— Уже отправляю.

— Подрядчики?

— Ждут в малой переговорной. Я дала им кофе и новую таблицу. Они недовольны переносом, но главный инженер начал читать приложение, значит, скандала на входе не будет.

— Почему главный инженер?

— Он единственный из них действительно понимает сроки. Директор будет давить статусом, юрист — формулировками. Если инженер согласится, остальные перестанут спорить через десять минут.

Демьян взял пиджак со спинки кресла.

— Вы уверены?

— Нет. Но в прошлый раз он спорил только после того, как инженер сказал: “Так не строят”. Сегодня инженер молчит и читает. Это хороший знак.

Он посмотрел на меня.

— Идемте.

Я пошла следом, прижимая планшет к груди.

В коридоре сотрудники расходились в стороны. Кто-то здоровался с Демьяном, кто-то делал вид, что срочно читает телефон. Со мной здоровались почти все. Иногда мне казалось, что я знаю это здание лучше управляющей компании: где скрипит дверь, какой принтер зажевывает бумагу, кто плачет в туалете после планерок, у кого мама болеет, кто врет в отчетах, кто боится Демьяна, а кто просто делает вид.

Возле малой переговорной нас догнал Кирилл Грановский.

— Демьян Александрович, — сказал он. — Я получил письмо банка. Хорошо, что успели согласовать.

“Хорошо”.

Как будто оно само случилось.

Я опустила глаза в планшет, чтобы не выдать лицо.

— Орлова заметила риск утром, — сказал Демьян.

Я подняла взгляд.

Кирилл улыбнулся.

— Безусловно. Мила Сергеевна очень внимательна к деталям. Иногда даже чрезмерно.

— В данном случае это было полезно, — сказал Демьян.

Полезно.

Снова это слово.

Но на этот раз оно ударило не так, как у Эвелины. Потому что Демьян произнес его не снисходительно. Он констатировал факт.

И все равно во мне что-то тихо сжалось.

Я устала быть полезной.

Хотелось хоть раз стать правой до того, как все увидят последствия.

Кирилл перевел взгляд на меня.

— Тогда, возможно, Мила Сергеевна будет так же внимательна к тому, чтобы не перегружать генерального директора неподтвержденными тревогами.

Демьян чуть повернул голову.

— Какими тревогами?

Вот теперь Кирилл сделал вид, что понял: сказал лишнее.

Очень хороший актер.

— Ничего серьезного. Мила Сергеевна вчера интересовалась архивными документами. Я лишь напомнил, что по старым проектам лучше делать запрос через профильный отдел.

Я почувствовала, как пол под ногами стал тверже, чем нужно.

Он не просто знал.

Он уже начал подкладывать слова в нужные места.

Демьян посмотрел на меня.

— Мы обсудим это после подрядчиков.

— Конечно, — сказала я.

Кирилл мягко улыбнулся.

— Я всегда за порядок.

Я тоже улыбнулась.

— Особенно когда он помогает ничего не найти.

Слова вылетели раньше, чем я успела их остановить.

Демьян резко посмотрел на меня.

Кирилл — нет. Он даже не моргнул.

— Не понял, — сказал он.

— Я сказала, что порядок помогает ничего не потерять.

Я солгала гладко.

Слишком гладко.

Демьян это понял. Кирилл тоже.

Несколько секунд мы стояли втроем перед стеклянной дверью переговорной: генеральный директор, финансовый директор и ассистентка, которая только что почти обвинила одного из них в подмене документов.

Почти.

Очень удобное слово.

Почти можно списать на усталость.

Почти можно не заметить.

Почти можно простить.

Пока оно не становится доказательством.

Демьян открыл дверь переговорной.

— К работе, — сказал он.

И я вошла следом.

Потому что день все еще был в моих руках.

Даже если пальцы уже начинали неметь.

ГЛАВА 3. Подпись не на своем месте

К вечеру я ненавидела слово “согласовано”.

Оно стояло в письмах, в комментариях юристов, в таблицах финансового отдела, в коротких ответах подрядчиков, в сообщениях от людей, которые не хотели брать ответственность на себя и поэтому прятались за одну гладкую формулировку.

Согласовано.

Как будто если поставить это слово рядом с ошибкой, ошибка перестанет быть ошибкой.

Я сидела в приемной с чашкой давно остывшего чая и смотрела на скан подписи, увеличенный до двухсот процентов. За стеклянной стеной коридора сотрудники уже расходились по домам. Кто-то смеялся у лифта, кто-то на ходу застегивал пальто, кто-то ругался по телефону с курьером. Обычный вечер большого офиса: люди уносят с собой усталость, недовольство, недописанные письма и надежду, что завтра все будет чуть проще.

У меня завтра проще не будет.

На экране была подпись Малинина О. В. из текущего приложения к проекту “Северные кварталы”.

Я открыла рядом старый архивный файл по “Заречному”.

Подпись Малинина О. В. за 2014 год.

Две подписи смотрели на меня с монитора, как две плохо сделанные копии одной лжи.

Я не была экспертом. Не имела права писать в служебной записке “подделка”. Не могла броситься к Демьяну в кабинет с криком: “Вот, смотрите, здесь все ясно”. Ничего не было ясно. Именно это и бесило.

Линия росчерка в новом документе была чуть ровнее. Петля в конце фамилии — слишком аккуратная. В старом скане чернила расплывались на стиге бумаги, а в новом подпись лежала чисто, будто ее взяли не рукой, а мышкой.

Я увеличила еще.

Пиксели поползли квадратиками.

— Ну давай, — прошептала я. — Скажи мне хоть что-нибудь.

Монитор, разумеется, промолчал.

Телефон на столе коротко завибрировал.

Таисия.

Я посмотрела на имя и сразу почувствовала, как усталость стала настоящей. Не рабочей, которую можно затолкать в ящик вместе с папками. А личной, тяжелой, домашней.

Я ответила.

— Если ты сейчас скажешь, что опять в офисе, я начну ругаться, — сказала Таисия вместо приветствия.

— Тогда не начинай разговор с вопроса.

— Мила.

— Я в офисе.

— Время восемь сорок.

— Зато не одиннадцать.

— Прекрасно. Оптимизм человека, которого надо спасать.

Я откинулась на спинку кресла и потеряла глаза.

— Ты звонила ругаться или просто проверить, жива ли я?

— И то, и другое. Ты вчера обещала прислать мне фото платья, а прислала в два ночи документ с названием “сравнение приложений”. Я, конечно, ценю доверие, но мне кажется, наши отношения перешли странную границу.

Я замерла.

— Ты открывала?

— Нет. Утром увидела тему, решила не лезть. Это рабочее?

— Уже не уверена.

Таисия помолчала. Ее молчание было другим, не демьяновским. Демьян молчал, когда думал, как управлять ситуацией. Таисия молчала, когда понимала, что все плохо.

— Рассказывай, — сказала она.

Я посмотрела на дверь кабинета Демьяна. Свет горел. Он был внутри, говорил по телефону с кем-то из партнеров. Голос через дверь не пробивался, но я знала интонацию: низкая, ровная, без раздражения. Так он разговаривал, когда человек на другой стороне пытался повысить цену, а Демьян уже решил, где тот уступит.

— Не по телефону, — сказала я.

— Мила, что случилось?

— Я нашла странную подпись в сделке.

— Насколько странную?

— Настолько, что эта фамилия уже всплывала в старом проекте. В том самом, из-за которого отец...

Я не договорила.

Не смогла.

Про отца я вообще редко говорила до конца. Слова застревают где-то между горлом и тем местом, где много лет назад поселился стыд. Не мой, чужой, но почему-то я носила его с собой.

Таисия выдохнула.

— Ты уверена?

— Нет. В этом и проблема. Я не уверена. Я вижу совпадения, странные даты, похожие подписи и правку после утверждения. Но это пока набор мелочей.

— Мелочи в документах не бывают мелочами.

Вот за это я ее любила.

Таисия могла быть резкой, иногда даже сухой, но она никогда не говорила мне: “Может, тебе показалось”. Если мне что-то не казалось, она сначала проверяла, а уже потом успокаивала.

— Пришли мне копии, — сказала она.

— Это внутренние документы.

— Тогда не присылай. Сфотографируй только общие места без сумм и персональных данных. Или лучше вообще ничего не присылай, если доступ спорный. Давай так: выпиши названия фирм, даты, номера приложений, кто подписал, кто согласовал. Отдельно — цепочку писем. Без файлов. Поняла?

— Поняла.

— И, Мила.

— Что?

— Не ходи с этим одна к финансовому директору.

Я почти рассмеялась.

— Поздно. Он уже сам пришел ко мне вчера ночью.

В трубке стало тихо.

— Что значит “сам пришел”?

Я коротко рассказала: переговорная, его улыбка, фраза про архивы и грязные руки. Без лишних эмоций. Так было легче. Если пересказывать страшное ровным голосом, оно будто становилось частью отчета.

Таисия выругалась.

— Красиво сказала, — заметила я.

— Я еще мягко. Слушай меня внимательно. Это не просто неприятный тип из финансового отдела. Если он знает, что ты открывала архив, он уже смотрит, как это можно использовать против тебя.

— Я знаю.

— Нет, ты думаешь, что знаешь. А я тебе как юрист говорю: с этой минуты все, что ты делаешь, должно выглядеть так, будто завтра это будут читать люди, которые хотят сделать тебя виноватой.

Слова легли неприятно точно.

Виноватой.

У меня перед глазами вдруг всплыл отец. Не тот, каким я старалась его помнить: смеющийся, большой, с запахом табака и мятой жвачки, когда он поднимал меня маленькую на плечо. Другой. После “Заречного”. В мятой рубашке, с серым лицом, у кухонного стола. Он тогда тоже говорил: “Я ничего не подписывал без проверки”. А ему отвечали: “Документы говорят другое”.

Документы всегда говорили громче людей.

Особенно если люди были не из тех семей, чьи фамилии стояли на зданиях.

— Мила? — позвала Таисия.

— Я здесь.

— Ты Демьяну сказала?

Я посмотрела на дверь его кабинета.

— Частично.

— Что значит частично?

— Сказала, что есть несостыковки. Он велел принести документы. И больше не трогать архив без разрешения.

— Нормально.

— Это плохо?

— Это ожидаемо. Он защищает порядок. Вопрос в том, защищает ли он тебя.

Я молчала.

Таисия все поняла без ответа.

— Ладно, — сказала она уже мягче. — Сегодня уходи домой. Серьезно. Составь список того, что видела, пока свежо в голове. Не додумывай. Только факты. Даты. Файлы. Кто что сказал. Особенно слова Грановского. Все дословно, насколько помнишь.

— Хорошо.

— И поешь.

— Тася.

— Что “Тася”? Ты опять весь день на кофе?

Я посмотрела на свой остывший чай.

— На чае.

— Прорыв. Горжусь.

На секунду стало легче.

Так бывает: сидишь в стеклянной башне среди документов, рядом мужчины в дорогих костюмах двигают миллиарды, а держит тебя на плаву женщина на другом конце телефона, которая напоминает поеть.

— Я перезвоню, — сказала я.

— Жду. И, Мила?

— Да?

— Если это связано с твоим отцом, не пытайся доказать все сразу и всем. У тебя есть дурная привычка спасать людей быстрее, чем себя.

Я закрыла глаза.

— Знаю.

— Вот и не делай так.

Мы попрощались.

Я положила телефон и долго смотрела на монитор.

В кабинете Демьяна зазвонил внутренний телефон. Потом стих. Потом дверь открылась.

Я быстро свернула архивные файлы, оставив на экране только сравнительную таблицу по банку. Движение было почти машинальным.

И тут же стало противно.

Я прятала документы не от чужого человека. От Демьяна.

От мужчины, которому знала кофе, расписание, тон переговоров, молчания после звонков отца, раздражение по сгибу пальцев на ручке.

От мужчины, которому все еще не знала, можно ли верить.

Он вышел без пиджака. Рукава рубашки были закатаны до локтей, галстука не было. В такие моменты он выглядел не мягче, нет. Просто реальнее. Не картинка из делового журнала, а живой человек, который слишком долго держал плечи ровно.

— Орлова.

Я встала.

— Да?

— Документы по несостыковкам готовы?

Нет “вы еще здесь?”. Нет “ужинали?”. Сегодня забота опять закончилась.

— Частично.

— Принесите.

— Сейчас?

— Сейчас.

Я взяла папку.

Не всю.

Только текущую сделку: приложение семь, банковские правки, таблицу дат, распечатку по подрядчику “СеверСтрой Консалт”. Старый “Заречный” остался на моем столе в закрытой папке.

Я понимала, как это выглядит.

Понимала и все равно не могла иначе.

В кабинете Демьян сел за стол и жестом показал на кресло напротив.

Я обычно не садилась без прямого приглашения. Сейчас приглашение было.

Села.

Папку положила перед ним.

Он открыл первую страницу.

— Говорите.

Я сцепила пальцы на коленях, чтобы не начать поправлять платье. Когда нервничала, я иногда дергала ткань на бедрах, будто могла сделать себя меньше. Глупая привычка, оставшаяся еще со школы, где девочки в раздевалке говорили: “Ты бы такое не носила, тебе не идет”.

Я больше не в школе.

Передо мной не одноклассницы.

Передо мной Демьян Волков.

Почему тогда все равно хотелось занять меньше места?

— В приложении семь вчера была ошибка по графику аванса, — начала я. — Это уже исправлено. Но когда я проверяла цепочку согласований, увидела, что финальная правка была внесена после того, как документ формально закрыли.

— Кто внес?

— В системе стоит общий доступ финансового блока.

— Это не ответ.

— Я знаю.

Он поднял глаза.

— Продолжайте.

— Подрядчик “СеверСтрой Консалт” появился в пакете позже остальных. По нему нет нормальной истории взаимодействия, только свежие письма и короткое заключение. При этом сумма аванса для них выше, чем по двум компаниям с подтвержденным опытом.

Демьян листал молча.

— Кто рекомендовал подрядчика?

— Финансовый блок.

— Грановский?

— В письме стоит подпись его заместителя. Но сам Кирилл Павлович был в копии.

— Это нормально.

— Да. Отдельно — нормально.

Он посмотрел на меня внимательнее.

— А вместе?

Я медленно выдохнула.

— Вместе выглядит так, будто подрядчика ввели в сделку поздно, быстро согласовали, дали выгодный аванс и закрыли правку общим доступом, чтобы потом было сложно понять, кто именно внес изменения.

Демьян откинулся в кресле.

Я замолчала.

Это был опасный момент. Я знала его. Если сказать слишком много — он услышит эмоцию. Если слишком мало — решит, что я просто нервничаю из-за Кирилла. Надо было стоять ровно посередине, как на тонком льду: не бежать, не останавливаться.

— Документально это подтверждается? — спросил он.

— Частично. Даты есть. Цепочка писем есть. По доступу нужно официально запросить журнал входов.

— Запросите.

Я чуть не ответила сразу “хорошо”. Рабочая привычка.

Но остановилась.

— От моего имени?

— От моего.

Сердце ударило сильнее.

Это было важно. Очень.

Запрос от моего имени можно было потом назвать самостоятельностью. Запрос от имени Демьяна — распоряжение генерального директора. Совсем другой вес. Совсем другая защита.

— Хорошо, — сказала я тише.

Он заметил.

— Вы думали, я отправлю вас разбираться одну?

Я подняла взгляд.

Сказать правду?

Раз уж день такой, что я с утра отказывала его отцу, почти обвиняла финансового директора и обсуждала подделку подписи, можно было и правду.

— Я не знала.

Его лицо не изменилось, но в глазах мелькнуло что-то острое.

— Почему?

— Потому что вы пока не знаете, верить мне или процедуре.

Он молчал.

Я пожалела сразу. Не потому, что это было неправдой. Потому что правда в кабинете начальника всегда звучит громче, чем планируешь.

Демьян положил папку на стол.

— Процедура существует не для того, чтобы вам не верить.

— Но ею очень удобно не верить.

Он резко поднял глаза.

Я замолчала.

В кабинете стало тихо. За окном уже темнело. Свет города отражался в стекле, и я видела нас двоих: его за большим столом, меня напротив. Между нами — папка, которую я принесла не полностью.

— Вы что-то не договариваете, — сказал Демьян.

Я почувствовала, как кровь прилила к лицу.

— Я принесла то, что касается текущей сделки.

— Это не ответ.

— Пока у меня нет проверенных данных по остальному.

— По чему остальному?

Вот она. Дверь.

Можно было открыть.

Можно было сказать про “Заречный”. Про отца. Про Малинина. Про старую подпись и новый скан. Про то, что моя осторожность не каприз, а память, которую десять лет никто не хотел слушать.

Я представила, как произношу: “Мой отец был связан с похожим проектом”. И как Демьян смотрит уже не на документы, а на меня. Не как на ассистентку, а как на человека с личным мотивом.

Личный мотив в таких делах убивает доверие быстрее, чем ошибка в таблице.

— По подрядчику, — сказала я. — Я хочу проверить его старые связи.

Демьян смотрел долго.

Я выдержала.

Почти.

Потом он взял ручку и написал на стикере два слова: “Журнал доступов”. Подвинул ко мне.

— Запросите от моего имени. Копию мне и Марцел... — Он остановился, поморщился.
— Нет. Таисия Северова у вас юрист?

Я дернулась.

— Что?

— Вы говорили как-то, что ваша знакомая работает в правовом консалтинге. Северова? Меня будто застали за чем-то личным, хотя я сама когда-то упоминала Таисию в разговоре. Года два назад. Мельком. Когда она помогала одной сотруднице с декретными выплатами, а я просила Демьяна не давить на отдел кадров.

Он запомнил.

Конечно, запомнил.

Не то, что я не ужинала. Не то, что Эвелина унизила меня словом “полезная”. Но фамилию юриста, которая однажды мелькнула в рабочем контексте, запомнил.

— Да, — сказала я осторожно. — Но она не имеет отношения к компании.

— Пока не подключайте ее.

Я выпрямилась.

— Это распоряжение?

— Это просьба.

От Демьяна Волкова слово “просьба” звучало почти странно.

— Почему?

— Потому что если информация выйдет наружу раньше времени, Грановский поймет, что мы проверяем не только банк. И начнет чистить следы.

“Мы”.

Он сказал “мы”.

Мне нельзя было радоваться. Я слишком хорошо знала цену таким маленьким словам. Но внутри что-то все равно дрогнуло.

— Хорошо, — сказала я. — Я не буду передавать ей документы.

— Вы уже передавали?

— Нет.

— Но обсуждали.

Не вопрос.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Демьян Александрович, я обсуждаю со своей подругой то, что касается моей безопасности. Без документов, без сумм, без имен, если это нарушает регламент. Но если у меня есть ощущение, что меня могут сделать крайней, я не буду ждать, пока это случится, только потому что так удобнее компании.

Он не перебил.

И это было хуже, чем если бы перебил. Приходилось слышать собственные слова до конца.

— Вы считаете, компания может сделать вас крайней? — спросил он.

Я хотела сказать: “Компания — нет. Люди — да”.

Но в этот момент дверь кабинета открылась.

Без стука.

Кирилл Грановский вошел с папкой в руке и вежливой улыбкой, которую я уже начинала ненавидеть физически.

— Прошу прощения, Демьян Александрович. Дверь была приоткрыта. Мне сказали, вы еще у себя.

Я резко встала.

Папка с документами лежала на столе между мной и Демьяном. Стикер “Журнал доступов” был повернут к Кириллу желтой стороной, но текст он, кажется, не успел увидеть. Или успел. С такими людьми никогда нельзя было понять.

Демьян накрыл стикер ладонью.

Маленькое движение.

Быстрое.

Почти незаметное.

Но я увидела.

И Кирилл тоже.

— Что-то срочное? — спросил Демьян.

— Да. По “СеверСтрой Консалт”. Я хотел бы закрыть вопрос до завтрашнего подписания.

Я почувствовала, как внутри похолодело.

— Какой именно вопрос? — спросила я раньше, чем успела вспомнить, что меня никто не спрашивал.

Кирилл медленно повернулся ко мне.

— Мила Сергеевна, насколько я понимаю, ваш рабочий день уже закончился.

— Я останусь, — сказал Демьян.

Не я.

Он.

Кирилл улыбнулся чуть шире.

— Разумеется. Просто вопрос финансовый.

— Орлова в курсе пакета, — сказал Демьян. — Говорите.

Если бы я была умнее, я бы не позволила себе ничего почувствовать.

Но я почувствовала.

Не радость. Нет. Скорее странную усталую благодарность, от которой стало неловко. Он не сделал ничего героического. Просто оставил меня в комнате, где решали вопрос по документам, которые я нашла.

Но иногда право остаться за столом похоже на защиту.

Кирилл положил папку перед Демьяном.

— Мы получили подтверждение от подрядчика. Возникла небольшая техническая неточность в старой карточке компании. Они сменили директора, а в одном из приложений подтянулась прежняя подпись из шаблона.

Я медленно повернула голову.

— Из шаблона?

— Да.

Он сказал это спокойно. Слишком спокойно.

— Подпись директора подтянулась из шаблона? — уточнила я.

Кирилл посмотрел на меня, как смотрят на ребенка, который вмешался во взрослый разговор.

— В крупных пакетах документов такое случается. Старые формы, автоматизация, человеческий фактор.

— Подпись не может “случайно подтянуться” в финальную версию договора, — сказала я.

— Если бы вы работали не только с календарем, но и с финансовыми пакетами, вы бы знали, что иногда может.

Удар был тихим.

Но точным.

Я почувствовала, как жар поднялся к шее. Не от стыда даже. От злости.

С календарем.

Пять лет моей работы, сведенные к календарю.

— Достаточно, — сказал Демьян.

Голос был негромкий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.